

Цуй Люй полагал, что если бы у него родилось такое же несносное создание, как Цзи Байлин, он бы и в гробу перевернулся от негодования.

Даже те девушки из мира снов, воспитанные в системе равноправия, не обладали столь расколотым сознанием. Цзи Байлин выросла в превосходных условиях Северных земель, пользовалась всеми привилегиями, предоставленными женщинам, вкусила плоды новой политики Департамента по делам женщин и шла по дороге, проложенной для неё старшим поколением. Даже будучи посредственной в своих талантах, она могла бы достичь высот, недоступных для обычных людей.

Но что в итоге?

Она отказалась от этого пути, решив покорить недостижимую вершину. Что ж, пусть так. Но для этого следовало бы использовать нормальные методы, идти правильным путём. Даже если бы она в итоге потерпела неудачу, у неё осталась бы возможность отступить, найти обходной путь.

Цуй Люй искренне не понимал логику таких людей. Как девушка, выросшая в столь снисходительной и благожелательной среде, покинув её, могла проникнуться таким высокомерием к необразованным, непросвещённым девушкам? В её взгляде читалось презрение, словно она смотрела на тех, кто, даже облачённый в шёлк и парчу, оставался лишь ручными зверьками в чужих домах, игрушками для забавы. И в то же время — чувство превосходства от того, что она, в официальном чине, стоит в одном ряду с мужчинами.

Но разве все эти чувства не были обязаны тому, что она родилась в Северных землях, в экспериментальной зоне Департамента по делам женщин, под личным надзором Великого императора? Получив столько лет образования, она так и не научилась сопереживанию. Вместо того чтобы проникнуться сочувствием и желанием спасти угнетённых и бесправных девушек за пределами Северных земель, она ощутила себя мессией, несущей милость. А те, кто отказывался от её «спасения», становились в её глазах неблагодарными, падшими, добровольно превратившимися в мужские игрушки...

Впрочем, недостатков в этой девушке было слишком много. Неудивительно, что её работа так и не продвигалась или вовсе зашла в тупик. Цуй Люй действительно не мог её понять. Раньше он с сомнением относился к язвительным разборам её психологии на форумах будущего, считая, что потомки слишком демонизируют её натуру. Но теперь, наблюдая за ней вблизи, он пришёл к выводу, что дело не в демонизации. Она была по-настоящему безумна.

И это безумие было нелогичным, противоречащим среде, в которой она выросла.

В этот момент толпа с криками расступилась. Некоторые пытались броситься вперёд, чтобы остановить происходящее, но, осознав свою беспомощность, замирали на месте.

Цзи Байлин выхватила из растрёпанных волос шпильку. Золотая, инкрустированная нефритом заколка была увенчана фигуркой жаворонка, но, к всеобщему изумлению, стержень её оказался выкован из первоклассного железа, лишь покрытого для маскировки слоем позолоты.

Глаза Цю Саньдао налились кровью. Он зажал ладонью пронзённый живот и под холодным, бесстрастным взглядом Цзи Байлин медленно, с чудовищным усилием накрыл её руку своей и вонзил шпильку глубже себе в живот.

— Цю-гэ!

— Саньдао!

— Командир Цю!

Цзи Байлин в ужасе попыталась выдернуть руку, но Цю Саньдао мёртвой хваткой вцепился в её запястье. Задышавшись, он прохрипел свои последние слова:

— Ты... ты убиваешь меня оружием, которое я дал тебе для защиты? Байлин, я... я исполнил твоё желание... Цзи Байлин...

Внезапно он закричал, впившись в неё безумным взглядом:

— Цзи Байлин, с этого момента мы квиты!

С последним вздохом он, сжимая её руку, одним рывком выдернул шпильку из живота. Брызнувшая кровь омыла им лица. Глаза его закатились, и он рухнул без сознания.

Цзи Байлин ошеломлённо смотрела на шпильку в своей руке. Внезапно её пробила дрожь. Отшвырнув заколку, она попятилась назад, качая головой.

— Это не я... я не хотела... я не...

С глухим стуком она тоже потеряла сознание.

Всё произошло так стремительно, что никто не успел опомниться. Когда же все пришли в себя, то увидели лишь залитую кровью площадь перед резиденцией Янь.

Би Хэн и Цуй Люй переглянулись. Люди с обеих сторон, и Цю Саньдао, и Цзи Байлин, стояли в растерянности, не зная, что делать.

Как теперь отчитываться по возвращении в Северные земли?

Взаимная резня? Убийство соратника? Каким бы ни был конфликт между двумя группами, все понимали, что любое из этих обвинений — грубейшее нарушение воинского устава Северных земель. В лучшем случае их ждала порка, в худшем — увольнение со службы, трибунал и тюрьма.

Чёрт побери, знали бы они о таких последствиях, ни за что бы не сунулись в этот Цзянчжоу.

Цуй Люй бросил взгляд на Би Хэна, и тот, вздохнув, шагнул вперёд, чтобы взять ситуацию под контроль. Вскоре враждующие стороны выдвинули своих представителей для переговоров.

— Я слышал, на пристани теперь новый начальник. Может, отправим кого-нибудь с письмом?

Проблема явно вышла за рамки их компетенции. Необходимо было вызвать из Северных земель кого-то, кто мог бы разругать ситуацию. По-хорошему, им следовало бы сейчас же собрать людей и вернуться, но Цю Саньдао был в таком состоянии, что любое движение могло его убить.

В конце концов, обе стороны пришли к согласию и их взгляды дружно обратились к Ли Янь, а через неё — к Цуй Люю.

Разыскивая по городу распространителей слухов, они, разумеется, были в курсе новостей с пристани. Знали и о том, что Ли Янь спас местный аристократ, и что она с тех пор повсюду следует за этим стариком, называя его дедушкой. Но тогда они не придали этому значения, не предполагая, что однажды им придётся просить у неё помощи.

Особый статус Ли Янь тщательно скрывался Цзи Байлин. Лишь после инцидента в резиденции Янь они узнали, что она — приёмная дочь Великого императора, отданная на воспитание в резиденцию маршала У. Некоторые из них, более дальновидные, советовали Цю Саньдао заглядеть вину: найти Ли Янь, объяснить, попросить прощения. Но Цю Саньдао, одурманенный влиянием Цзи Байлин, решил, что достаточно будет подстроить её смерть в Цзянчжоу и свалить всё на местную администрацию. Ведь вся область знала, что глава Янь берёт наложниц. Закрыв рты нескольким ключевым свидетелям и воспользовавшись отсутствием сообщения между Цзянчжоу и противоположным берегом, он рассчитывал, что расследование зайдёт в тупик, даже если кто-то попытается его начать.

План был хорош, но череда случайностей вывела ситуацию из-под контроля, и теперь никто из них не мог с ней справиться.

Цуй Люй оказался здесь, потому что Би Хэн силком притащил его посмотреть на «золотые кирпичи». Ли Янь же следовала за Цуй Люем по пятам, не отходя ни на шаг. Они наблюдали, как Би Хэн распорядился перенести раненых в резиденцию Янь Сю, отправил гонца за доктором Ван Шитэном и, уже у самых дверей, вспомнил о ребёнке в животе Цю Саньдао.

— Ребёнок и вправду в порядке? — уточнил он.

Ли Янь расхохоталась и энергично закивала.

— У него в животе всего лишь зародышевый мешок, плод ещё не закрепился! Ай-я, госпожа Цзи слишком поторопилась. Подождала бы пару дней, пока плод не закрепится, тогда бы и убила. А сейчас она просто проткнула мешок, он сам восстановится. Крылья нашего мотылька-младенца очень эластичны и прочны, это самая безопасная воздушная подушка для развития малыша!

В её звонком голосе звучала такая гордость, что Цуй Люй нашёл эту девчонку одновременно озорной и милой. Она была куда живее девушек из его собственной семьи. Он решил, что, вернувшись, непременно познакомит их. Возможно, со временем она сможет оживить атмосферу в его доме. К тому же, хоть девушка и многое забыла, базовые знания и манеры остались при ней. Её уверенность в общении с людьми, полное отсутствие страха, особенно то, как она несколько раз парировала чужие нападки — ни тени робости или отступления, — всё это было проявлением смелости, которой не обладала ни одна женщина в Цзянчжоу. Смелости говорить открыто, не боясь чужих взглядов.

В глазах Цуй Люя эта девушка была настоящим сокровищем, способным преобразить женщин его клана. Всё, что она делала и говорила, казалось ему милым и непосредственным.

Но для других она была невыносима. Её слова вызывали скрежет зубный и желание отвесить пощёчину. Люди колебались между стремлением её уничтожить и необходимостью смириться, подозревая, что она лишь притворяется наивной, чтобы отомстить им.

— Ли Янь... — наконец, разум возобладал, и человек, подошедший к ней, решил пока проглотить обиду. Но не успел он договорить, как Ли Янь хлопнула в ладоши и с досадой воскликнула:

— Кажется, я опять кое-что забыла...

Цуй Люй тут же подыграл ей, с улыбкой спросив:

— Что забыла? Не торопись, подумай и расскажи.

Ли Янь, следуя за Цуй Люем, произнесла достаточно громко, чтобы слышали все вокруг:

— А что, если плод через проделанную дырку вывалится наружу, в брюшную полость? Тогда... хм, скорее всего, беременность не сохранится.

Человек, пришедший с ней договариваться, не успел обрадоваться, как услышал продолжение:

— Без защиты зародышевого мешка плод, развиваясь в другом месте живота... эх, скорее всего, носитель умрёт вместе с ним.

Цуй Люй взглянул на побледневшего собеседника и с деланным сожалением добавил:

— Какая досада. Такой человек, как командир Цю... если он умрёт из-за родов, то, вероятно, это из-за того, что он совершил слишком много убийств. Карма обернулась против него, лишив потомства и сократив жизнь.

В те времена, если женщина умирала при родах, её не жалели, а клеймили позором и обвиняли в дурной судьбе. Теперь же, когда подобные рассуждения обратились против мужчин, им было нечем возразить.

Цуй Люй, не видя в своей позиции ничего предосудительного, вместе с Ли Янь, словно разыгрывая партию, задал новый тон для будущих разговоров о трудностях деторождения. Отныне любой, кто осмелился бы осуждать женщину за тяжёлые роды, рисковал получить отпор.

Не стоит думать, что роды — это легко. Если это так просто, почему же мужчины, оказавшись в подобной ситуации, тоже кричат и мучаются?

С этого дня нравы в Цзянчжоу начали меняться.

В итоге Цуй Люй согласился отправить письмо в Северные земли от имени людей Цю Саньдао, но с одним условием: письмо с просьбой о помощи должно быть предоставлено ему на проверку. В нём следовало честно и беспристрастно изложить всё, что произошло в Цзянчжоу. Кроме того, он потребовал, чтобы из Северных земель прислали человека, досконально понимающего суть указа Великого императора о Департаменте по делам женщин. Цзянчжоу, по его словам, готов был стать второй, после Северных земель, экспериментальной зоной по внедрению этой инициативы (конечно, после того, как управление областью официально вернётся под контроль императорского двора).

Разумеется, это последнее требование, или, скорее, предложение, должно было быть изложено от имени Би Хэна. В противном случае, получатели письма могли бы решить, что истинным хозяином Цзянчжоу является Цуй Люй, а это было бы слишком большой шуткой. Цуй Люй не хотел так явно выставлять себя напоказ. Использование официальной печати Би Хэна позволяло упростить всё и избежать лишних хлопот. Почему бы этим не воспользоваться?

«Живой щит» Би Хэн, однако, не был в восторге от этой идеи. Он считал, что с поддержкой Цуй Люя дела идут как по маслу, и был более чем готов отдать ему все лавры за наведение порядка в Цзянчжоу.

К сожалению, Цуй Люй его энтузиазма не разделял. Во всех делах, требовавших официального вмешательства, он выставлял вперёд Би Хэна, а сам с головой ушёл в решение своих проблем. Например, после усмирения людей на пристани, старую модель управления речными перевозками необходимо было менять. Требовалось разработать новую, справедливую систему, которая дала бы всем надежду и стимул к работе.

Кроме того, существовало тайное пиратское логово Банды речных перевозок, расположенное за пределами речного и морского пространства. Оно использовалось для размещения пиратов, которые грабили проходящие суда, поддерживая монополию на речные перевозки. Если ликвидировать эту систему сдерживания, не приведёт ли это к тому, что пираты объявят о своей независимости и выйдут из-под контроля речников?

Всё это были сложные вопросы, требующие тщательного планирования и анализа.

Именно тогда Цуй Люй узнал, что в пираты отправляли тех, у кого были проблемы с законом: либо они насолили кому-то в Цзянчжоу, либо в своё время, для устрашения конкурентов, пробирались на чужие суда, топили их и убивали людей. В общем, у каждого, кого отправляли в это логово, руки были в той или иной степени запачканы кровью.

Это была головная боль. Семьи этих людей жили среди речников, у них были связи и привязанности. Попытаться убедить их вернуться и сдать властям — семьи будут против. Отправить отряд, чтобы разгромить логово и арестовать всех — семьи будут ещё больше против. Но и оставлять их промышлять пиратством Цуй Люй не собирался. Проблема казалась неразрешимой и серьёзно мешала реорганизации всей банды и её дальнейшей деятельности.

Цуй Люй размышлял о том, что этим людям нужно дать возможность искупить свою вину. По крайней мере, их заслуги должны перевесить преступления. Тех, кого ждала смертная казнь, можно было бы отправить в ссылку, а тех, кому грозило тюремное заключение — наказать палками и денежным штрафом. Необходимо было найти решение, которое не охладило бы и не рассеяло только что обретенное доверие людей.

Он работал без остановки. Би Хэн тоже был по уши в делах. Цю Саньдао в итоге спас старый доктор Ван Шитэн, но, услышав несколько слов, брошенных Ли Янь, окончательно пал духом и, апатично лёжа в постели, отстранился от всех дел.

Цзи Байлин тоже впала в депрессию. Она заперлась в своей комнате и никого не впускала, полностью забыв о своих обязанностях.

Ли Янь, напротив, была в безопасности. Обещание Цуй Люя отправить письмо служило ей защитой. Люди Цю Саньдао, зная о её «охранной грамоте», хоть и продолжали смотреть на неё с ненавистью, но тронуть не смели. Для её безопасности Цуй Люй приставил к ней У Фана, а также отдал в её распоряжение большую часть охранников, вызванных из дома. Каждый день они сопровождали её в лечебницу «Хуайцзи», где она помогала избавляться от мотыльков неженатым мужчинам и несовершеннолетним мальчикам, подхватившим заразу.

Новость о мужской беременности взорвала Цзянчжоу. У дверей домов тех, кто в тот день жаловался на боли в животе, собирались толпы зевак. Слова Ли Янь о мужской беременности, сказанные в лечебнице, разнеслись по всей области. Некоторые, готовые умереть, но не рожать, пили по три чашки отвара, чтобы избавиться от плода в ту же ночь. Другим, выпившим лекарство, жёны засовывали пальцы в горло, чтобы вызвать рвоту. А были и те, кто, будучи единственным наследником в нескольких поколениях, с радостью принимал свою участь и

готовился к домашним родам. В общем, пёстрая палитра реакций всколыхнула весь Цзянчжоу. Первым делом при встрече на улице теперь спрашивали: «В вашей семье кто-нибудь “выиграл”?» — и обменивались лукавыми взглядами.

Женщины ещё не осознавали, к какому масштабному движению за их права приведёт эта ситуация. Пока они лишь находили всё это забавным, но, сдерживая смех, обменивались многозначительными взглядами, полными сплетен и веселья.

Конечно, не обошлось и без недовольных. Старики, всю жизнь поддерживавшие свой авторитет, пришли к Би Хэну с тростями, требуя схватить «ведьму» Ли Янь, снять с мужчин её колдовство и дать жителям Цзянчжоу объяснения.

Би Хэн их попросту игнорировал. Он был занят описью сокровищниц Янь Сю и казны управы. В жизни не видел столько серебра, он целыми днями плавал в горах золота и серебра, изучал толстые счётные книги и чувствовал, что его мечта о строительстве канала становится всё ближе. Назойливые старики не заслуживали даже его взгляда.

Наконец, терпение некоторых иссякло. Главы нескольких семей, контролировавших важные соляные промыслы и морские сооружения, совместно направили Би Хэну и Цуй Люю официальное приглашение, требуя встречи для переговоров.

Цуй Люю взял из рук Би Хэна приглашение. Позолоченные иероглифы на дорогой бумаге выглядели внушительно и торжественно. Он удивлённо поднял бровь.

— Похоже, они больше не могут сидеть сложа руки. А я-то думал, они собираются прятаться до самых родов.

Все, кто в тот день был на пиру у Янь Сю, как один, оказались беременны.

Би Хэн покатился со смеху, указывая на Цуй Люю.

— Это ты, в сговоре с Ли Янь, устроил такой грандиозный спектакль, что им теперь и спрятаться негде. Все кареты, что были в тот день у резиденции Янь, были записаны. Скрыть реакцию мужчин из этих семей невозможно. Все они — главы своих кланов, а не простые мужики с улицы, у которых есть выбор, рожать или нет. Для них сама мысль о беременности, не говоря уже о родах, — несмыслаемый позор. Ха-ха-ха-ха, а ты ещё и запретил Ли Янь ездить во внутренний город, чтобы они не могли тайно схватить её и избавиться от плода. Ты бы видел лицо того управляющего, что принёс приглашение! Стыд так и не сходил с его лица! Ха-ха-ха-ха... Ой, уморил ты меня.

За два дня наблюдений Би Хэн понял суть. Дело было не в том, что от плода было трудно избавиться, а в том, что Ли Янь, по совету Цуй Люю, намеренно преувеличила ужасные последствия и побочные эффекты аборта.

— Я видел, как дева Янь-эр избавляет от мотыльков, — сказал Би Хэн, — она просто запускает молодого гу-короля, и тот пожирает мотыльков внутри тела. Ах, Люй-цин, какой же ты негодяй. Те, у кого только появились первые признаки, могли бы легко избавиться от мотыльков, просто пропустив через себя гу-короля девы Янь-эр, и избежали бы многих мучений. Хе-хе, а ты специально заставил их страдать, выбирать между жизнью и родами. Какой же ты злой!

Цуй Люй с каменным лицом отрицал свою причастность. Он хлопнул приглашением по столу так, что подпрыгнули чайные чашки.

— У тебя есть доказательства? Малышка Янь-эр тебе рассказала? Би Хэн, пустые обвинения — это не дело. Смотри, как бы нам не пришлось распрощаться.

Би Хэн тут же поднял руки в жесте капитуляции.

— Шучу, шучу. Но раз уж они тебя пригласили, Люй-цин, почему бы не пойти? Послушаешь, что они скажут.

Сначала Цуй Люй счёл, что его присутствие на таком официальном мероприятии будет неуместным, ведь он, по сути, никто. Но Би Хэн был прав: ему и самому было интересно, какие условия предложат эти люди. Слушать пересказ Би Хэна — это одно, а присутствовать лично — совсем другое. Поразмыслив, он кивнул.

— Хорошо. Раз зовут, пойду послушаю.

Дело было срочное, и ждать никто не хотел. Как только было получено согласие, тут же назначили место встречи. Чтобы обе стороны чувствовали себя в безопасности и могли спокойно вести переговоры, по предложению Цуй Люя, встречу устроили на открытой площадке у пристани во внешнем городе. Пространство огородили ширмами, охрана осталась снаружи, а внутрь для пира и беседы допускались только главы кланов.

Би Хэн, как организатор, занял главное место. Облачённый в парадный мундир генерал-губернатора, он выглядел чрезвычайно торжественно. Цуй Люй же выбрал себе неприметное место в стороне, где молча попивал чай, наблюдая за прибывающими на пир господами.

Изначально банкет должны были устраивать приглашающие, но поскольку Би Хэн, будучи чиновником, сам был заинтересован в их активах, он, после переговоров, взял организацию на себя. Так и родилась эта неожиданная идея с пиром на пристани.

Цуй Люй знал об их осторожности. Чтобы переговоры прошли в непринуждённой обстановке, нужно было создать для всех комфортные условия, ощущение безопасности и возможности в любой момент отступить. Эта площадка на пристани, с одной стороны выходящая к воде, а с трёх других — к внешнему и внутреннему городу, давала такую возможность. Любое непредвиденное движение позволяло бы им отступить. Таким образом, если переговоры зайдут в тупик, это не приведёт к вооружённому столкновению, и останется пространство для

манёвра.

Снаружи послышался шум копыт и голоса. Цуй Люй понял, что гости прибыли. Он держал в одной руке чайную чашку, другая свободно лежала на колене. Он сидел боком ко входу.

Би Хэн тоже приготовился встречать гостей. Его мундир был идеально выглажен, шапка сидела ровно, а на лице играла подходящая случаю улыбка, придававшая ему вид добродушного и снисходительного человека.

— Наслышан, что брат Цуй — нынешний глава клана Цуй из Болина. Клан Цзян из Хэншуя свидетельствует своё почтение!

— Клан Фэн из Цзянькана просит прощения за беспокойство, брат Цуй!

— Клан Юэ из Яопина давно наслышан о вас, брат Цуй!

...

Би Хэн застыл.

«Постойте, а меня, такого большого чиновника, вы что, не видите?»

<http://bllate.org/book/16118/1587728>